

ЭТНОСПЕЦИФИЧНОСТЬ СУВЕРЕННОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА ЛИЧНОСТИ

Мартиросян К.В.¹

¹ *ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. Волгоградский филиал», Волгоград, Россия (400122, Дзержинский р-н п. Гумрак, ул. Военный городок 22, дом 3), e-mail: marti-5@mail.ru*

Предмет изучения – суверенность психологического пространства у представителей армянской и русской национальности. Психологическое пространство понимается, следом за С.К. Нартовой-Бочавер, как субъективная форма структурирования органического и неорганического тела человеческой личности. А суверенность личного пространства определяется, как способность человека контролировать, защищать и развивать свое психологическое пространство, основываясь на обобщенном опыте успешного независимого, автономного поведения. Рассматривается соотношение измерений психологического пространства – физического тела, территории, привычек, социальных связей, ценностей – в контексте суверенности. В эмпирическом исследовании участвовали 196 человек в возрасте от 18 до 50 лет. Показано, что в группах армянских и русских респондентов преобладают различные измерения психологического пространства. Это позволяет предположить этнокультурную специфичность структурирования психологического пространства личности.

Ключевые слова: психологическое пространство личности (ППЛ), суверенность психологического пространства (СПП), респонденты-армяне, респонденты-русские.

ETHNIC CHARACTERISTICS OF THE SOVEREIGNTY OF THE INDIVIDUAL PSYCHOLOGICAL SPACE

Martirosyan K.V.¹

¹ *Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Volgograd branch. Volgograd, Russia (400122, Dzerzhinsky District No. Gumrak Str. The Presidio 22, 3), e-mail: marti-5@mail.ru*

The object of study - the sovereignty of psychological space in Armenian and Russian nationality. Psychological space is understood, followed by S.K. Nartova-Bochaver as subjective form of structuring the organic and inorganic body of the human being. And the sovereignty of personal space is defined as a person's ability to control, protect and develop their psychological space, based on the generalized experience of successful independent, autonomous behavior. The correlation measurement of psychological space - the physical body, territories, habits, social relations, values - in the context of sovereignty. In an empirical study involved 196 people aged 18 to 50 years. It is shown that in a group of Armenian and Russian respondents dominated by various measurements of psychological space. This suggests ethnocultural specificity structuring psychological space of the individual.

Keywords: individual psychological space, the sovereignty of psychological space, respondents Armenians, Russian respondents.

Актуальность темы личной суверенности в этнопсихологическом контексте может быть объяснена, с одной стороны, последствиями процессов глобализации, урбанизации, унификации и стереотипизации жизни, нивелирующими проявления человеческой индивидуальности и размывающими границы того, что человек традиционно считал исключительно своим-личным. С другой стороны – противоположными тенденциями этнокультурного и религиозного ренессанса, спонтанной реализации экологических проектов вплоть до исхода групп людей из мегаполисов, утверждением крайнего индивидуализма. Столкновение противоречивых тенденций происходит не только в социально-политической и идеологической сфере, но и в пространстве индивидуально-

личностного, само содержание этого пространства и его границы становятся сегодня проблемой.

Мы в своем исследовании рассматриваем этнопсихологический аспект проблемы суверенности психологического пространства (СПП). Этот аспект приобрел особую актуальность в связи с необратимыми событиями в новейшей истории нашей страны. После распада Советского союза представители уже суверенных этносов, имеющих собственную территорию и государственность, продолжают жить в России или вновь прибывают сюда на жительство, и мы постоянно с ними взаимодействуем. Одна из проблемных особенностей этого взаимодействия состоит в том, что представители разных этнических культур никогда не будут и, главное, не захотят нивелировать свои этнокультурные и этнопсихологические особенности. Поэтому организация их сознания, включая особенности СПП, будет отличаться от таковой у представителей титульной нации и представителей других этнокультур. И это будет актуализироваться, проявляться в общении и взаимодействии представителей разных этнокультур.

Психологическое пространство как атрибут субъектности

Психологическая суверенность человека – один из аспектов более широкого понятия – понятия субъекта. Люди действуют и взаимодействуют опосредствованно и опосредованно. Опосредствования (от слова «средство») и опосредования (от слова «среда» и от слова «посредник») человеческих отношений – это темы, которые явно или подспудно представлены во многих направлениях философии и во многих психологических теориях. Без средств и без среды как пространства, в котором они (средства) располагаются и применяются, человек не может быть субъектом. Эти среды-средства были названы К. Марксом [5] неорганическим телом человека, Э.В. Ильенковым [3] – ансамблем человеческих отношений, К. Левином [4] – динамическим полем, Ф.Е. Василюком [2] – «мирами», в которых протекают процессы переживания.

Субъектно-средовой подход и категория суверенности психологического пространства

В недавнее время к обозначенной нами традиции добавился подход, определяемый его автором С.К. Нартовой-Бочавер как «субъектно-средовой», в котором акцентирована проблема границ «жизненного мира» (обозначаемого автором конструктом «психологическое пространство личности» (ППЛ)), проблема суверенности психологического пространства. Именно этот акцент на изучении того, что человек считает своим и того, где и как он устанавливает границу «своего», как нам представляется, отвечает предмету наших исследовательских интересов – этноспецифичным маркерам психологической суверенности человека.

Ключевыми понятиями этого подхода стали понятия психологического пространства и психологической суверенности личности [1, 6, 7, 8]. По мнению автора, подход «позволяет, с одной стороны, интерпретировать средовые проявления человека символически и метафорически, как проявление внутреннего мира со всеми его особенностями и противоречиями, а с другой – изменяя телесные и топологические параметры жизнедеятельности человека, развивать его как субъекта» [6, с. 125].

В контексте субъектно-средового подхода постулируется тезис о целесообразности рассмотрения человека и мира как взаимодействующих и взаимопроникающих систем, что может рассматриваться преимущественно идее отношения «Человек – Мир», обоснованию которой посвящена последняя книга С.Л. Рубинштейна [9].

Собственно суверенность личного пространства (СПП) С.К. Нартова-Бочавер определяет как способность человека контролировать, защищать и развивать свое психологическое пространство, основываясь на обобщенном опыте успешного независимого, автономного поведения. СПП позволяет человеку реализовывать свои замыслы и удовлетворять свои потребности, исходя из своей личной центрации, учитывая или игнорируя ожидания и требования окружения.

Несколько иначе суверенность может быть понята как состояние границ психологического пространства, являющихся инструментом равноправного взаимодействия с другими людьми и селекции внешних влияний, обозначающих пределы личной ответственности и определяющих идентичность человека [1]. В отличие от исследований, проводимых в традициях психосинтеза, гуманистической и экзистенциальной психологии личности, концепция суверенности предполагает не только признание возможности и ценности гармонии с самим собой, но и идею синергичного реципрокного взаимодействия с условиями жизненных ситуаций. Предполагается, что СПП может быть представлена как совокупность границ, определяющих приватность различных секторов ППЛ. Эти секторы автор определяет как:

- суверенность физического тела (СФТ) – предупреждение несанкционированного вторжения в состояния соматического благополучия;
- суверенность территории (СТ) – предупреждение нарушения границ приватного пространства;
- суверенность мира вещей (СВ) – утверждение уважительного отношения к личной собственности;
- суверенность привычек (СП) – отстаивание человеком временной регламентации своей жизни;
- суверенность социальных связей (СС) – приватность круга друзей, знакомых, близких;

- суверенность ценностей (СЦ) – свобода в выборе мировоззренческих ориентиров и эстетических предпочтений [6, с. 197 – 198].

Показатели (уровни) СПП:

- сверхсуверенность – проявление сверхкомпенсации в ответ на высокоинтвенные воздействия и пренебрежение потребностями человека в построении им ППЛ;
- нормальная суверенность – переживание аутентичности, своей уместности в хронотопе жизненных обстоятельств и своей причастности к ценностным основаниям своей жизни;
- депривированность – проницаемость границ СПП такова, что человек следует логике обстоятельств и воле других людей [6, с. 163].

В соответствии с этой структурой ППЛ и с ориентацией на эти предполагаемые уровни автором разработан опросник [7, 8], который мы использовали в своем исследовании для сравнения структурных различий ППЛ респондентов-русских и респондентов-армян. Опросник содержит 80 утверждений, распределенных по шести шкалам, соответствующим вышеуказанным секторам.

Эмпирическое исследование

Цель и гипотеза исследования. Целью нашего исследования на данном этапе было выявление формально-статистических различий людей, сформировавшихся в различных этнокультурных условиях – жителей Армении и жителей России. Мы предположили, что могут обнаружиться статистически значимые различия в уровне и структуре суверенности психологического пространства у представителей армянской и русской национальностей.

Выборка. Исследование проводилось на территории Российской Федерации (в Волгограде) и в республике Армения (в Ереване) с 2008 по 2012 гг. В общей сложности в нем приняли участие 196 человек, представители армянской и русской национальностей, молодого и зрелого возрастов. Группу респондентов-армян составили 88 человек. Группу респондентов-русских составили 108 человек.

Методика. Для определения уровня развития СПП использовался опросник «Суверенность психологического пространства» [6]. С целью обработки данных и анализа надежности распределения респондентов по тем или иным параметрам применялись следующие статистические методы: частотный анализ, дисперсионный анализ, метод определения достоверности различий, реализованные в стандартизованном пакете программ SPSS 11.0.

Результаты и их обсуждение. Поскольку исследование было нацелено на изучение, прежде всего этноспецифических различий СПП, то вся выборка была расчленена на две подвыборки респондентов близкие по объему: респонденты-армяне и респонденты-русские.

При сопоставлении групп респондентов с помощью U-критерия Манна-Уитни было установлено следующее. Группы русских и армян различаются между собой по таким секторам психологического пространства как «Территория» ($p = 0,001$), «Мир вещей» ($p = 0,011$), «Социальные связи» ($p = 0,006$).

По общему показателю СПП ($p = 0,809$), суверенности «Физического тела» ($p = 0,227$), «Привычек» ($p = 0,128$) и «Ценностей» ($p = 0,287$) статистически значимых различий между этническими группами мы не обнаружили.

После проведения этого этапа исследования с применением опросника, мы перешли к уточнению содержательной стороны обнаруженных различий. Для этого мы провели ряд бесед со студентами и доступными для бесед и интервью представителями старшего поколения. Беседы-интервью проводились в свободной форме, но центром обсуждения было прояснение тех жизненных условий и обстоятельств, в которых человек свободен по показателям «Территория», «Мир вещей» и «Социальные связи» или, напротив, детерминирован и ограничен. При этом выяснилось следующее.

По сравнению с российской молодежной выборкой армянские юноши демонстрируют более высокий уровень суверенности. Армянские юноши чувствуют себя свободными в выборе социальных контактов (которые могут не контролироваться извне), и удовлетворении физиологических потребностей. Можно предположить, что в силу особенностей воспитания, укоренившихся стереотипов отношения к представителям мужского пола в Армении они раньше по сравнению с девушками и своими русскими сверстниками начинают жить самостоятельно и реже сталкиваются с переживаниями ограничений и самоограничений. Обращает на себя внимание также высокая по сравнению с русскими юношами территориальная свобода, что выражается в санкционируемых родителями возможностях проживания у других родственников, в том числе за пределами малой родины, возможностях туристических и деловых поездок (что категорически запрещается делать девушкам без сопровождения кого-либо из семьи – в традиционных армянских семьях). В то же время армянские юноши не вполне свободны по сравнению со своими русскими сверстниками в выборе тех личных вещей и предметов, которыми пользуются в быту.

Армянки (как молодые, так и старшего поколения) по показателям суверенности во многом отличаются как от армян-мужчин, так и от группы русских респондентов (мужчин, женщин). Общий уровень суверенности у них существенно ниже. Можно предположить, что армянки чаще сталкиваются с воздействием внешнего контроля и вынуждены во многом подчиняться: в молодом возрасте – родителям, а во взрослой жизни – мужу и семье мужа. Однако подчинение не обретает форму безропотного следования, а представляет собой

некий способ проявления приверженности традициям, проявление уважения, почитания старших, семьи супруга и т.д. Молодые армянки чаще испытывают «физический» дискомфорт, возможно вызванный бытовыми условиями. Они испытывают большее давление «прилюдности», публичности своего существования, по-видимому, потребность в уединении у них не удовлетворена. Если русские девушки более или менее могут реализовывать свою потребность в личной собственности, то у армянских девушек соответствующий показатель близок к нижней границе нормы – почти все они хотели бы носить, иметь и пользоваться совсем другими личными вещами, чем те, которыми они обладают. Характерно, что если армяне-юноши могут отстаивать свои ценностные установки, то молодые армянки чаще испытывают разочарование от того, что их мировоззрение существенно отличается от мировоззрения их родителей. Поэтому конфликт «отцов и детей» в Армении потенциально более вероятен между родителями и дочерьми, чем между родителями и сыновьями. Вполне возможно, что девочки и девушки хотели бы вести другой образ жизни, отличный от образа жизни их родители. У юношей подобного конфликта не отмечается, а, если он и присутствует, родители больше считаются с мнением своих сыновей, нежели дочерей.

Русские респонденты, как мужчины, так и женщины демонстрируют примерно одинаковые показатели и по общему уровню СПП и отдельно по каждому измерению (сектору) – это средние значения, находящиеся в пределах статистической нормы. Лишь по некоторым секторам ППЛ («Мир вещей», «Социальные связи») наблюдаются незначительные расхождения, что обусловлено гендерными особенностями. Россиянки (как молодые, так и представительницы старшего поколения) по своим показателям суверенности практически не отличаются ни от русских, представителей мужского пола, ни от группы армянских респондентов в целом. Общий уровень суверенности у них находится в пределах статистической нормы – чуть выше среднего. В отличие от армянок, россиянки реже сталкиваются с воздействием внешнего контроля, обусловленного социальными и культурными стереотипами, как это проявляется в группе армянских респонденток.

Заключение

Итак, проведенный сопоставительный анализ представленности СПП у респондентов различной этнической принадлежности показал, что действительно, степень выраженности проблемы суверенности в целом и актуальность различных ее аспектов могут быть связаны с атрибутами принадлежности. Были обнаружены статистически значимые различия, связанные с этнической принадлежностью респондентов. Такие различия относят к секторам, обозначаемым С.К. Нартовой-Бочавер как «Территория», «Мир вещей» и «Социальные связи». Но при этом различия в показателях общей суверенности ППЛ и в

показателях «Физическое тело», «Ценности» и «Привычки» не могут быть оценены как статистически значимые.

Дальнейшее исследование мы намерены связать с выявлением этнокультурных опосредствований, обеспечивающих построение жизненного хронотопа и выявлением возможных культурных причин обнаруженных различий. Эта исследовательская задача, предположительно, потребует привлечения проективных и нарративных техник, в которых может быть отражено содержание психологического пространства личности.

Список литературы

1. Валединская О.Р., Нартова-Бочавер С.К. Личное пространство человека и возможности его «измерения» // Психология зрелости и старения. – 2002. – № 2. – С. – 60 – 77.
2. Василюк Ф.Е Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций). – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985. – 200 с.
3. Ильенков Э.В. Что же такое личность? // С чего начинается личность / Под общ. Ред. Р.И. Косолапова. – 2-е изд. – М.: Политиздат, 1984. – С. 319 – 358.
4. Левин К. Динамическая психология: Избранные труды. – М.: Смысл, 2001. – 572 с.
5. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Издание второе. Т.42. – М.: Издательство политической литературы, 1974. – С. 41 – 174.
6. Нартова-Бочавер С.К. Человек суверенный: психологическое исследование субъекта в его бытии. – СПб.: Питер, 2008. – 400 с.
7. Нартова-Бочавер С. К. Опросник «Суверенность психологического пространства» – новый метод диагностики личности // Психологический журнал. – 2004. – Т. 25. № 5. – С. 77 – 89.
8. Нартова-Бочавер С.К. Новая версия опросника «Суверенность психологического пространства – 2010» // Психологический журнал. – 2014. – Т. 35. № 3. – С. 105 – 119
9. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. Человек и мир. – СПб.: Питер, 2003. – 512 с.

Рецензенты:

Вачков И.В., д.псх.н., профессор кафедры дифференциальной психологии ГБОУ ВПО «Московский городской психолого-педагогический университет», г. Москва;

Исаев Е.И., д.псх.н., профессор, заведующий кафедрой педагогической психологии, педагогики и логопедии НОУ ВПО «Столичная финансово-гуманитарная академия», г. Москва.